

ИСТОРИЯ МОЕГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Алёна Зорина

Алёна Зорина

История моего исчезновения

<https://litres.ru/74401189>

ISBN 9785007109086

Аннотация

Наталья — обычная женщина, чья жизнь превратилась в бесконечный цикл из варки супа, поиска потерянных носков и родительских чатов. Когда чувство невидимости становится невыносимым, она решается на отчаянный шаг: бросает всё и уезжает на неделю в глухую деревню, чтобы просто побыть в тишине и наконец начать писать свою книгу.

История о том, как далеко может зайти женщина в поисках самой себя, и о цене, которую приходится платить за право быть услышанной.

Содержание

Глава 1. Пар	5
Глава 2. Юля	8
Глава 3. Решение	11
Глава 4. Отъезд	15
Глава 5. Прибытие	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

История моего исчезновения

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0071-0908-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пар

Я стояла над кастрюлей, и пар бил мне в лицо так, будто хотел оттолкнуть от плиты. Он был густой, влажный, пахнувший картошкой и дешёвым куриным бульоном из кубика. Я смотрела в этот пар и вдруг подумала: если наклониться ниже и просто не выпрямляться, через сколько минут кто-нибудь заметит, что меня нет?

Не в смысле совсем нет. Не умерла, не исчезла. А просто — выпала. Как ложка падает за плиту, и сначала никто не слышит.

— Мам, вай-фай опять тупит! — крикнула из комнаты Алина.

— Где второй носок? — почти одновременно крикнула Полина.

Я закрыла кастрюлю крышкой, вытерла руки о полотенце, пошла искать носок, по пути ответила про вай-фай, перезагрузила роутер, задела плечом сушилку, подняла упавшую футболку, вернулась к кастрюле, посолила, помешала, достала тарелки, заметила на столе крошки, смела их ладонью, вспомнила, что не вытащила мясо из морозилки на завтра, и в этот момент поняла, что весь мой день состоит из таких движений — мелких, бессмысленно точных, необходимых всем, кроме меня.

Будильник. Завтрак. Собрать младшую. Напомнить стар-

шей. Проводить. Уборка. Магазин. Обед. Посуда. Забрать. Уроки. Ужин. Посуда. Душ. Сон. Повтор.

Иногда мне казалось, что если однажды я не встану, всё равно всё как-нибудь случится. Не так гладко, не вовремя, с недовольством и упрёками, но случится. И, может быть, это было самое обидное. Я столько лет держала на себе этот дом, а он, наверное, мог прожить и без меня. Скрипя, с перебоями, но мог.

Кости ещё не было. Он задерживался на работе или, как он сам говорил, «по делам». Но его всё равно было слишком много на кухне. Куртка висела на спинке стула, хотя у нас есть вешалка в коридоре. На подоконнике стояла кружка с засохшим чайным ободком. От пепельницы на балконе тянуло старым сигаретным дымом, хотя балкон был закрыт.

Удивительная вещь: человека может не быть рядом, а от него всё равно некуда деться.

— Мам, ну где он? — Полина уже стояла в дверях, в одном носке, с растрёпанной косой.

— В комоде смотрела?

— Смотрела.

— Под кроватью?

— Не-е-ет.

— Значит, под кроватью.

Она убежала, а я на секунду прислонилась ладонями к столешнице и закрыла глаза.

Иногда мне хотелось, чтобы кто-нибудь спросил не «что

на ужин?» и не «ты не видела мой зарядник?», а что-то совсем другое. Например: тебе тяжело? Или: ты вообще как? Или хотя бы: ты с утра садишься сегодня?

Но таких вопросов в нашем доме не задавали. В нашем доме всё держалось на том, что я всегда была в состоянии продолжать.

Единственное, что принадлежало только мне, лежало за шторой на подоконнике. Обычная тетрадь в клетку, с мягкой синей обложкой, чуть выгнутой от влажности. Если не знать, куда смотреть, её не видно. Ночью, когда все ложились, я доставала её и писала. Не роман, не рассказы даже. Просто куски чужих разговоров, которые придумывала сама. Какие-то сцены. Фразы. Сны. Иногда — одно предложение на целую страницу. Иногда список слов, которые мне нравились: «сквозняк», «чугун», «морошка», «пустошь». Это было смешно, почти стыдно. Как тайно курить в тридцать пять лет за гаражами.

Этот файл я тоже начала на кухне. Ночью, когда холодильник гудел так громко, будто жаловался на жизнь вместе со мной. Я открыла ноутбук просто чтобы выговориться. Напечатать хоть что-то своё, не для школы, не для чатов, не для списка покупок.

Глава 2. Юля

По ночам за экраном ноутбука у меня было ощущение, что мир чуть шире, чем наша кухня, стиральная машина и группа родителей в мессенджере. Костя храпел. Девочки спали. Я сидела в темноте, подсвеченная ноутбуком или телефоном, и листала всё подряд, как будто искала не информацию, а лазейку.

Я уже не помню, как именно наткнулась на Юлю Сомову. Наверное, как всегда: одна ссылка вела к другой, кто-то в комментариях написал фамилию, я открыла, отложила, вернулась. Так обычно и начинаются вещи, которые потом не отпускают.

Юле было тридцать два.

Я запомнила возраст сразу. Потому что это был не возраст «девочки» из новостей и не возраст «женщины преклонных лет». Обычный возраст. Когда ещё не старость, но и не аванс. Когда у тебя, скорее всего, есть зубная щётка в стаканчике, список покупок в заметках и люди, которые привыкли, что ты на месте.

В районной газете, в архивной заметке, было написано сухо и нелепо: «Пропала жительница города N Юлия Сомова, 32 года. Ушла пешком по лесной тропе в сторону дачного посёлка, местонахождение неизвестно». Ниже — фотографии волонтеров, размазанные сапоги, лента через кусты. И фра-

за: «Поиски результатов не дали».

Потом я нашла ещё. Старые посты в местных группах. Разные даты. Один и тот же портрет — тёмные волосы в хвосте, сероватая толстовка, усталые глаза. Не красивые, не яркие, не «особые». Обычное лицо женщины, которую в магазине не запоминают через пять минут после того, как она расплатилась.

Я смотрела на её фотографию и чувствовала что-то неприятное, почти стыдное: узнавание.

Не внешнее. Я на неё совсем не похожа. У меня светлее волосы, другое лицо. Но в ней было то, что я знала слишком хорошо. Какая-то привычка занимать поменьше места. Вид у человека, который не рассчитывает, что его будут долго искать.

Под одной из публикаций спорили, как всегда.

«Сама ушла». «У нас там бурелом, могла и заблудиться». «Кто-то знает, да молчит». «Не раздувайте, если бы криминал — давно бы нашли». «А помните, лет десять назад тоже кто-то пропал?»

Вот из-за этой фразы я и полезла дальше. Лет десять назад оказалось не десять. Почти тринадцать.

Старый заброшенный форум, где дизайн был как из двухтысячных и половина ссылок не открывалась, выдал мне один короткий пост. Кто-то под ником leshiy_74 написал, что в начале нулевых в том же районе тоже пропала женщина. Тоже шла по тропе. Тоже без следов. Дальше ничего не бы-

ло. Ни имени, ни даты, ни продолжения. Этот пользователь больше вообще ничего не писал.

Но у меня внутри уже щёлкнуло.

Я открыла заметки, потом тетрадь, потом снова заметки, потому что ручка не писала, потом расписала на полях газеты по месяцам, сколько лет прошло между одним исчезновением и другим. А потом ещё раз, чтобы убедиться, что не ошиблась.

Ровно тринадцать лет. Я записала это в тетрадь отдельно, в рамке.¹³

Нелепо было так возбуждаться из-за одного числа. У меня на плите пригорал суп, у Алины были контрольные, у Полины опять болело горло по утрам, а я сидела ночью с телефоном и чувствовала то, чего не чувствовала очень давно, — интерес.

Не к новой сковородке. Не к сериалу на фоне глажки. Не к чужой красиво организованной жизни в соцсетях.

Настоящий, живой интерес. Как будто под обычным линолеумом моей жизни вдруг проступила щель, и из неё потянуло воздухом.

Я снова открыла фотографию Юли. Обычное лицо. Тёмные волосы. Усталые глаза. Я почему-то подумала: если бы пропала я, под моей фотографией тоже писали бы «сама ушла».

Глава 3. Решение

Объявление я увидела в местной группе, где обычно продавали рассаду, старые холодильники и щенков «почти лайка». Там было написано коротко: «Сдаётся домик у леса. Тихо, недорого. Для спокойного отдыха. Недалеко от посёлка Берёзовка».

Я сразу узнала район.

Сначала даже не по названию, а по фотографии. Серый забор, кривая грунтовка, линия леса за домами. Потом полезла в карту и убедилась. Да, тот самый район. Там, где был дачный посёлок. Там, где шла лесная тропа. Там, где исчезла Юля.

Я сидела с телефоном в руке и понимала, что уже всё решила, хотя ещё ничего не сказала.

Конечно, я придумала себе красивую версию. Что мне нужно отдохнуть. Что я устала. Что хочу побыть одна. Что давно пора начать писать не в тетрадку урывками, а всерьёз. Всё это было правдой. Но не всей.

На самом деле мне нужно было оказаться там.

Не потому, что я вообразила себя сыщиком. И не потому, что собиралась кого-то разоблачать. Просто некоторые истории цепляются за тебя так, будто знают о тебе больше, чем ты сам. История Юли стала такой.

Косте я сказала не сразу. Сначала просто ходила с этим

решением внутри, как с температурой: вроде ещё можно делать вид, что всё нормально, но уже знобит.

Потом выбрала вечер, когда девочки были заняты уроками, а он пришёл более-менее не злой, и сказала:

— Я хочу на неделю уехать.

Он даже не сразу понял.

— Куда?

— Просто. Снять домик. Побывать одной.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который внезапно заговорил на иностранном языке.

— В смысле одной?

— В прямом.

— Зачем?

Вот этот вопрос он задал с искренним удивлением. Не с агрессией, не с насмешкой. Именно с удивлением. Будто у желания побыть одной должна быть уважительная причина, справка, печать.

— Устала, — сказала я. — Хочу подумать. Отдохнуть.

— От чего ты устала? — спросил он и тут же, видимо поняв, как это звучит, добавил: — Ну, я не в том смысле. Просто... Наташ, зачем тебе куда-то ехать? Отдыхай дома.

Я чуть не засмеялась. Отдыхай дома. Как будто дома можно лечь на дно и тебя не найдут через три минуты с вопросом, где чистые полотенца.

— Дома я не отдохну, — сказала я.

Он пожал плечами.

— Ну хорошо, а девочки? Школа? Кружки?

— Неделю вы проживёте.

Он помолчал, потом сказал:

— Ты что, обиделась на что-то?

Это тоже было знакомо. Любое моё желание, которое не помещалось в привычный порядок вещей, автоматически считалось обидой, капризом или гормонами. Желание как самостоятельная причина не рассматривалось.

— Нет, — сказала я. — Я не обиделась. Я хочу уехать на неделю. Всё.

Он хмыкнул.

— И что ты там будешь делать?

Я запнулась на секунду, хотя знала ответ.

— Может, писать.

Он посмотрел на меня. Потом отвёл глаза. Потом снова посмотрел.

— Писать? Наташ, ну...

Вот это «ну» было хуже любого прямого отказа. В нём помещалось всё сразу: ну что за глупости, ну когда ты успела это придумать, ну кому это надо, ну какая из тебя писательница.

Я почувствовала, как внутри поднимается старая, привычная волна — отступить, сгладить, сказать «ладно, забудь». Но в этот раз не отступила.

— Да, писать, — сказала я. — И просто побыть одна.

Он начал спорить. Не резко, а вязко, как спорят про ре-

монт или покупку стиральной машины. Неделю. Это дорого. Это странно. Это неудобно. Это не ко времени. Это что, кризис? Я отвечала. Тоже не резко. Просто повторяла одно и то же. Неделя. Я хочу поехать. Я всё уже нашла. Я поеду.

Так продолжалось несколько дней. Не беспрерывно, конечно. Между этими разговорами были котлеты, уроки, стирка, счета, чьи-то недосушенные кроссовки на батарее. Но решение уже лежало между нами, и его нельзя было убрать со стола.

На пятый или шестой день он вдруг сказал:

— Ладно. Езжай, если тебе так надо.

Без тепла. Без понимания. Скорее как человек, который устал толкать шкаф и решил, что пусть стоит криво.

И всё же это было согласие.

Впервые за много лет я не отступила. И от этого мне стало одновременно легче и страшнее.

Глава 4. Отъезд

Вещей оказалось удивительно мало.

Одна сумка. Ноутбук. Зарядка. Тетрадь. Две книги, которые я всё равно почти не открывала. Джинсы, свитер, футболки, бельё, тёплые носки. Щётка, шампунь, крем для рук. Минимум.

Я специально не взяла ничего домашнего. Ни любимую кружку. Ни старый плед. Ни фотографию девочек. Ни даже привычную резинку для волос с треснувшим пластиковым шариком, которая всегда лежала у зеркала. Мне почему-то было важно уехать не только телом, но и оставить дома весь этот шлейф вещей, которые незаметно приковывают тебя к одной и той же роли.

Костя утром ходил по квартире с видом человека, которого поставили перед свершившимся фактом и который решил держаться достойно. Он даже не ворчал. Только несколько раз спросил:

— Всё взяла?

Будто надеялся, что я в последний момент обнаружу что-то забытое и это станет причиной остаться.

Алина сонно поцеловала меня в щёку и сказала:

— Ну ты там хоть фотки делай.

Ей было пятнадцать, и она уже умела прятать чувства в интонацию лучше взрослых.

Полина обняла меня крепко, обеими руками, уткнулась носом мне в куртку и спросила:

— Мам, ты вернёшься?

Я помню, как у меня внутри что-то дёрнулось. Так сильно, что на секунду стало трудно дышать.

— Конечно, — сказала я слишком быстро. — Господи, Полин. Я же не навсегда.

Она кивнула, но не сразу отпустила.

В автобусе меня накрыло только тогда, когда город начал расползаться за окном в серые окраины, склады, шиномонтажки и некрашенные заборы. До этого всё было как сборы в лагерь кому-то другому: проверить билет, поправить сумку, написать в чат «доехала до вокзала», купить воду и на автостанции — хлеб, сыр, яйца, бутылку вина на первые дни.

А потом оказалось, что я действительно уехала.

Я сидела у окна, держала ладонь на сумке с ноутбуком и испытывала два чувства сразу, которые плохо уживаются вместе: вину и облегчение.

Вина была понятная. Я оставила дом на Костю. Оставила девочек. Уехала «по своим делам», как будто имела право на дела, которые никому больше не нужны. Мне казалось, что я совершаю что-то эгоистичное, почти неприличное.

Облегчение было тише, но сильнее. Оно не прыгало, не радовалось. Просто разжималось внутри по миллиметру. Никто не должен был сейчас спрашивать, купила ли я молоко. Никто не мог позвонить и сказать, что у нас закончилась

туалетная бумага. Никто не крикнет из комнаты, что интернет опять пропал.

Когда автобус свернул с трассы, связь стала хуже. Дома, поля, мокрые остановки, редкие люди у обочины. Потом меня высадили на повороте, где не было почти ничего, кроме облезлого щита с рекламой пластиковых окон. Дальше была попутка — старенькая «Нива» с молчаливым водителем, пахнувшая бензином и собакой.

Потом — пешком.

И с каждым шагом чувство, что я делаю что-то необратимое, становилось яснее.

Глава 5. Прибытие

Дорога до домика заняла почти весь день, хотя по километрам, наверное, было не так уж далеко. Автобус. Ожидание. Попутка. Потом грунтовка, по которой пришлось идти с сумкой, оттягивающей плечо, и всё время казалось, что вот сейчас пойдёт дождь. Но дождь так и не пошёл.

Домик стоял чуть в стороне от остальных, почти у самой линии леса. Старый, деревянный, с покосившимся крыльцом и зелёной краской на ставнях, выцветшей до такого цвета, который бывает у озёрной воды в пасмурный день. Крыша местами поржавела. У забора росла высокая мокрая трава. Калитка скрипнула, когда я толкнула её плечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.